

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

М.: Наука. 1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
научный совет по истории мировой культуры
КОМИССИЯ ПО КУЛЬТУРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

© Коллектив авторов, 1999

© В.Ю.Яковлев, художественное оформление, 1999

© Российская академия наук, 1999

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 98-02-16345

Редколлегия: к.ист.н. *Е.И.Лебедева*, к.ист.н. *Н.Ю.Плавинская* (отв.секретарь), д.ист.н. *А.В.Чудинов*

Ответственный редактор: д.ист.н. *Г.С.Кучеренко*

Рецензенты: кандидаты исторических наук *Л.Н.Вдовина*, *Г.С.Черткова*

В статьях сборника рассматриваются проблемы культуры эпохи Просвещения во всем единстве и многообразии ее форм. В центре внимания находится личность в разных ее проявлениях: монарх, философ, писатель, политик, деятель культуры. На широком историческом материале исследуются ценностная ориентация человека XVIII — начала XIX в., пути его нравственной, идейной и политической эволюции, поиски собственного места в общем культурном движении эпохи. Для историков, литературоведов, философов и всех, кто интересуется историей культуры и общественной мысли нового времени.

Содержание

МНОГООБРАЗИЕ ЛИЦ

Л.А.Пименова. Людовик XVI — французский король века Просвещения

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/lpimen2.pdf>

Т.А.Лабутина. Идеи наследие английского Просвещения в творчестве энциклопедистов Франции

<http://ideashistory.org.ru/pdfs/06labutina.pdf>

Е.Б. Рубинштейн. Лорд Болингброк: путь философа

***Л.Г.Кислягина*, *Н.М.Карамзин* как явление европейской культуры эпохи Просвещения**

И.И.Лещиловская. Захария Орфелин — сербский энциклопедист XVIII в.

А.Ф.Строев. Бернарден де Сен-Пьер и Екатерина II

ПОИСКИ ФОРМЫ

М.В.Разумовская. Новый Свет и французский роман первой половины XVIII в.: "естественный человек" против "старого порядка"

В.А.Алташина. Аббат Прево: писатель, журналист, географ и историк

***С.Б.Каменецкая*, *Н.М.Карамзин*: два героя, два литературных типа эпохи Просвещения**

НОВЫЕ ЦЕННОСТИ

И.В.Щеблыгина. Нравственная позиция А.Т.Болотова в системе его ценностных ориентации (К вопросу о системе ценностей русского образованного дворянства второй половины XVIII в.)

А.Крючкова. Феномен "философской жизни" в русской культуре XVIII в. (По поводу мемуаров И.Д.Ершова)

А.В.Тырсенко. 1791 год в политической эволюции Антуана Барнава

http://vive-liberta.narod.ru/journal/barn_tyrs.pdf

А.В.Чудинов. Суровое "счастье Спарты" (Современники Французской революции о феномене Террора)

<http://liberte.newmail.ru/Tchoudinov2.htm>

ПУТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Д.А.Ростиславлев. Жозеф де Местр о целях и перспективах просвещения в России

Ж.А.Ананян. Лазаревский Институт восточных языков в контексте русского Просвещения

Л. Г. Кислягина

Н. М. Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просвещения

Русская культура в XVIII в. развивалась в тесном взаимодействии с европейской, творчески осваивая накопленные ею богатства. Важным фактором, определившим культурное развитие России в XVIII столетии, были петровские преобразования. Обучение русских людей за границей, путешествия дворянской молодежи с целью получения образования значительно расширили культурные горизонты русского общества, способствовали быстрому проникновению в его образованные круги гуманистических и рационалистических учений, а с середины XVIII в. и философии Просвещения.

В XVIII в. абсолютизм с большим трудом прививал дворянству понимание необходимости образования, действуя порой «кнутом и пряником». «Пряником» была Табель о рангах, открывавшая для худородных, но талантливых и образованных дворян возможность подняться по лестнице чинов. Указы 1730-х годов предусматривали обязательную сдачу недорослями экзаменов по установленной правительством программе, а знаменитый «Манифест о вольности дворянства» 1762 г. вменял благородному сословию в обязанность обучать своих детей соответственно их положению.

Наиболее дальновидная часть российской элиты разделяла тревогу властей относительно уровня образованности дворянства, понимая, что в новых исторических условиях господствующий класс России сможет удержать в своих руках ключевые посты во всех звеньях государственного управления, возвысившись над другими сословиями не только «породой», т.е. знатностью происхождения, но и уровнем образования, знаниями. Много усилий для «вдалбливания» в головы благородного сословия этой истины приложил А.П.Сумароков, в котором молодое поколение дворян видело своего учителя и кумира. В знаменитой сатире «О благородстве», он стремился доказать благородным отпрыскам, что нет никакого различия между баринком и мужиком, что «тот и тот - земли одушевленный ком, и если не ясней ум барский мужикова, то я различия не вижу никакого».

Обращаясь к дворянскому неучу, Сумароков говорил:

А если у тебя безмозгла голова,
Поди и землю рой или руби дрова,
От низких более людей не отличаешься
И предков титлами уже не величайся.¹

Сумароков убеждал благородное сословие, что, только принося пользу обществу, служа Отечеству, дворяне имеют право на привилегированное положение.

Усилия общественности и властей, направленные на развитие дворянского образования, принесли свои плоды уже во второй половине XVIII в., когда в стране возник, пусть еще тонкий, слой европейски образованных людей — дворянской и разночинной интеллигенции.

Одним из выдающихся в этой плеяде образованных русских людей был Н.М.Карамзин, значение которого в истории отечественной культуры конца XVIII — первой четверти XIX в. трудно переоценить. Его влияние на общество было велико не только при жизни.

В настоящей статье предпринята попытка показать Карамзина как яркого представителя европейской культуры конца XVIII в., трактуемой широко и включающей в себя ее русский пласт, как человека, впитавшего все культурные достижения XVIII столетия, проанализировать его роль в развитии культурных связей между Западом и Россией.

Представлялось важным посмотреть на Карамзина как на типичного представителя образованной части дворянства. Типичным здесь было то, что Карамзин, выходец из служилого дворянства, в отличие от аристократической его части получил традиционное для этого слоя господствующего класса образование: учеба у сельского дьячка-наставника, пансион в Симбирске, а затем в Москве (правда, тут ему повезло больше, чем другим: он попал в пансион профессора Московского университета И.Шадена) и в дальнейшем — самообразование. Каков же был результат?

Судить о Карамзине как о представителе русской и европейской культуры эпохи Просвещения мы можем по его произведениям, созданным в конце XVIII столетия: это в первую очередь самый крупный литературный труд «Письма русского путешественника», его «Московский журнал», сборники «Аглая» и «Пантеон российской словесности». Эти литературные памятники позволяют раскрыть широту кругозора Карамзина, степень его образованности, его связь с просвещенными деятелями Европы. «Письма русского путешественника» — произведение, настолько насыщенное сведениями по истории культуры западноевропейских стран, что в статье из-за ограниченности объема не представляется возможным показать всю широту интересов Карамзина. Поэтому мы остановимся на материалах той части «Писем», в которых дано описание путешествия по Германии. Такой выбор обусловлен и сложной историей «Писем»². К тому же культурная жизнь Германии отражена в них полнее и обстоятельнее, чем культурная жизнь Франции и Англии.

Если сравнить «Письма русского путешественника» с записками русских людей первой половины XVIII в. о странствиях по Западной Европе, то бросается в глаза их разительное отличие. Русские путешественники начала века (например, Б.И.Куракин), «желая свету видеть», смотрели на неведомый им доселе мир раскрытыми от изумления глазами. Карамзин же чувствует себя в этом мире как рыба в воде. Он знает его по книгам, путеводителям, рассказам очевидцев. Знает своих современников — выдающихся писателей, мыслителей, политиков, живущих в Германии, Швейцарии, Франции, Англии; знает исторических деятелей этих стран, историю последних. Он свободно владеет немецким, французским и английским языками. Он знает и любит произведения Вольтера, Монтескье, Руссо и других французов. Не менее дороги ему Шекспир, Поуп, Юнг, Мильтон, Томас Мор. Он прекрасно знаком с немецкой литературой и философией. О начитанности и образованности Карамзина красноречиво свидетельствует именная указатель к «Письмам», который насчитывает не менее тысячи имен исторических деятелей, писателей, ученых, монахов и т.п., начиная с библейских и античных персонажей и кончая деятелями Французской революции³.

В мировоззрении Карамзина 90-х годов XVIII в. отразилась сложность эпохи. Оно складывалось в тех традициях дворянской культуры, которые наиболее полно представлены в творчестве А.П.Сумарокова, М.М.Хераскова и затем в деятельности московского масонского кружка, членом которого Карамзин стал в 1785 г.

Московское масонское общество состояло в основном из дворянской интеллигенции, пришедшей в ложи после Крестьянской войны 1773—1775 гг. и разделявшей либеральные настроения «сумароковской школы». Их взгляды были восприняты молодым Карамзиным, он стал их идейным преемником. Годы, проведенные Карамзиным в обществе московских масонов (1785—1789), стали для него временем интенсивного самообразования. В этом окружении Карамзин воспринял независимость мысли, широту взглядов, неприятие тирании и чиновничьего произвола, невежества и варварства. В эти годы он испытывал сильное влияние философии Просвещения, ориентируясь в основном на политическое учение Монтескье и Вольтера. Просветительские настроения в мировоззрении Карамзина укрепились во время заграничного путешествия⁴.

В числе московских масонов были люди, хорошо знавшие немецкую литературу и философию. К ним в первую очередь принадлежал «сочувственник» А.Н.Радищева, его друг по Лейпцигскому университету, А.М.Кутузов, который стал старшим другом и наставником Н.М.Карамзина. Без всякого сомнения, Карамзин под руководством начитанного и образованного Кутузова изучал немецкую литературу, философию, историю. Из его рассказов он многое узнал также о жизни русских студентов в Лейпциге. Не случайно, попав в Лейпциг, Карамзин спешит там встретиться с профессором Платнером, лекции которого по метафизике, психологии и эстетике слушали русские студенты⁵. Из характеристики, которую Карамзин дал в «Письмах русского путешественника» Платнеру как ученому-философу, можно сделать вывод, что с его философской системой он познакомился раньше, еще в Москве, и узнал о ней от Кутузова. То, что Карамзина Платнер интересовал прежде всего как профессор, которого слушали Радищев и Кутузов, подтверждает следующая запись в «Письмах»: «Он помнит К. и Р. и других русских, которые здесь учились. Все они были моими учениками, сказал он»⁶.

Выделялся также в среде московских масонов своей образованностью и А.А.Петров, литератор и переводчик, самый близкий друг Карамзина, с которым они долгие часы проводили над книгами и вели философские беседы. От него, по собственному признанию Карамзина, он приобрел «первые метафизические понятия». А.М.Кутузов и А.А.Петров внесли свой вклад в распространение в русском обществе немецкой литературы⁷.

Молодой Карамзин испытал влияние немецкого поэта Якоба Ленца, друга Гете⁸. В письме из Веймара Карамзин так писал о Ленце: «Мне рассказывали здесь разные анекдоты о нашем Л. Он приехал сюда для Гете, друга своего, который вместе с ним учился в Страсбурге и был тогда уже при Веймарском дворе. Его приняли очень хорошо, как человека с дарованиями; но скоро заметили в нем великие странности»⁹.

Маршрут путешествия Карамзина был составлен еще в Москве, очевидно с помощью старших друзей¹⁰, и проходил через хорошо известные в России культурные центры Германии, с которыми уже сложились постоянные связи: Кенигсберг, Берлин, Дрезден, Лейпциг, Веймар, Эрфурт, Франкфурт-на-Майне. В этих городах он задерживался на 3-7 дней, маленькие проезжал, не останавливаясь или проводя в них только одну ночь. Готовясь к путешествию, как было доказано еще В.В.Сиповским, Карамзин знакомился с историей стран, в которых собирался побывать, с путеводителями¹¹. Поэтому во время путешествия он хорошо знал, где и что он может посетить и осмотреть. Хорошее знание языка облегчает ему общение с окружающими. Для попутчиков-французов молодой русский — переводчик, и они с сожалением расстаются с ним.

Карамзина интересует все, но главное — культурная жизнь Западной Европы: ее исторические памятники, музеи, университеты, библиотеки, театры. Он посещает известных в то время писателей, ученых, общественных деятелей, знакомых ему по книгам.

Первым прусским городом на пути Карамзина был Кенигсберг, город, в котором жил «глубокомысленный, тонкий метафизик Кант»¹². К нему и направился молодой путешественник, не имевший даже рекомендательного письма. Кант принял русского гостя. Беседа, длившаяся три часа, предполагает взаимный интерес собеседников. О чем же говорили Кант и Карамзин? О путешествиях, о Китае, об открытии новых земель, о «природе и нравственности человека»¹³.

Н.М. Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просвещения

Визит Карамзина к Канту, малоизвестному в то время в России, Х.Роте объясняет тем, что Канта слушал Ленц¹⁴. Насколько молодой Карамзин разбирался в философии Канта, судить трудно. Но он, очевидно, читал некоторые труды мыслителя, так как тот, по его словам, на прощанье записал в записную книжку Карамзина названия двух своих сочинений, «которых, — как пишет Карамзин, — я не читал»¹⁵. По мнению Х.Роте, Карамзин уже тогда хорошо знал философию М.Мендельсона, а его «Федон», как он считает, стал для Карамзина «настойной, справочной книгой...»¹⁶. Имел Карамзин представление и о философии Г.В.Лейбница, Х.Вольфа, Спинозы, Х.М.Виланда, И.Г.Гердера и др., произведения которых читал в подлиннике, но, вероятно, его философские познания в это время были все же не очень глубокими

Особенно внимательно Карамзин следил за развитием немецкой литературы и общественной мысли. Об этом свидетельствует его разговор с издателем и известным просветителем К.-Ф.Николаи. Из их беседы мы узнаем, что Карамзин был в курсе полемики, развернувшейся между немецкими учеными, представлявшими различные направления общественной мысли. Следил за ней Карамзин еще в Москве, читая «Берлинский журнал» Николаи¹⁷.

Помимо Николаи Карамзин посетил в Берлине известных в то время писателей К.-Ф.Морица, К.-В.Рамлера, И.-Я.Энгеля. Побывал в Потсдаме и Сан-Суси, в Берлинской академии. Королевской библиотеке. С удовольствием прогуливался по аллеям берлинского зверинца, по знаменитой Липовой аллее (Unter den Linden), четыре вечера провел в театре. Впервые русский читатель познакомился с жизнью немецких городов, описанием их достопримечательностей. "Письма" вполне могли служить путеводителем для любознательных русских путешественников.

Не менее подробно рассказано о пребывании в Дрездене, о сокровищах которого русский читатель впервые получил представление. Карамзин сообщает, что пробыл в картинной галерее, «которая почитается одною из первых в Европе», три часа, но на многие картины «не успел и глаз оборотить». Он перечисляет лучшие, на его взгляд, полотна, начиная с «Сикстинской мадонны» Рафаэля¹⁸.

Оценки картин, данные Карамзиным, скупы, но в подстрочнике содержатся сведения о художниках, взятые, конечно, из путеводителей и каталогов. Они, безусловно, представляли большой интерес для русской читающей публики, в большинстве своем за границей не бывавшей. Осмотрел Карамзин и «зеленую кладовую» (das Griine Gewolbe) — «собрание драгоценных камней саксонского курфюрста», посетил библиотеку, которую «всякий путешественник, имеющий некоторое требование на ученость, считает за должное видеть»¹⁹.

Через Мейсен, где он осмотрел старый дворец — «ныне в нем делают славный саксонский фарфор», — Карамзин направился в Лейпциг. Когда читаешь «Письма» из Лейпцига, становится ясным, что Карамзину все знакомо в этом городе, он уже мысленно, очевидно вместе с А.М.Кутузовым, гулял в «Венцлеровом» и «Рихтеровом» садах, стоял у памятника Геллерту в церкви св. Иоанна²⁰. Он пишет о Лейпциге как о городе, в котором мечтал провести свою юность²¹, спешит увидеть профессора Платнера, так как тот знает Кутузова и Радищева, посещает его лекцию по эстетике, а вечером попадает на ужин в обществе лейпцигских ученых мужей.

На ужине его расспрашивали о русской литературе. «Они очень удивились, — пишет Карамзин, — слыша от меня, что десять песен Мессиады (Клопштока. — Л.К.) переведены на русский язык». Когда профессор поэзии заметил, что он не думал, что в русском языке можно найти выражение для «Клопштоковых идей», Карамзин ответил: «Перевод верен и ясен. В доказательство, что наш язык не противен ушам, читал я им русские стихи разных мер, и они чувствовали их определенную гармонию». Дальше разговор зашел о русских оригинальных произведениях. «Прежде всего наименовал я две эпические поэмы, Россиаду и Владимира, которые должны имя творца своего (М.М.Хераскова. — Л.К.) сделать незабвенным в истории российской поэзии»²². Читал он русские стихи и профессору К.-Ф.Морицу (в Берлине), так как тот спрашивал у Карамзина о русском языке и русской литературе. «Может быть, придет такое время, — передает его слова Карамзин, — в которое мы будем учиться русскому языку, но для этого надобно вам написать что-нибудь превосходное». «Тут невольный вздох вышел у меня из сердца», — заключает свой рассказ Карамзин²³. Морица он рекомендует читателям как «одного из первых знатоков немецкого языка», издателя журнала «Психологический магазин», суждения которого о литературе заслуживают внимания. В дальнейшем Карамзин не выпускает из поля зрения научные изыскания и творчество Морица, всячески пропагандирует его произведения в «Московском журнале», а затем в «Пантеоне иностранной словесности».

Одним из характерных проявлений общественного подъема, переживаемого Германией в последнюю четверть XVIII в., было литературное движение «Буря и натиск», охватившее в 70-е годы XVIII в. значительную часть ее передовой интеллигенции. Видными представителями этого течения были Гердер и Гёте, а затем и Шиллер, с которыми Карамзин мечтал познакомиться. Видимо, этим и объясняется, что Веймару Карамзин уделил особое внимание.

Расположенный недалеко от живописных тюрингских лесов, этот город стал олицетворением эпохи, в которую немецкая словесность считалась ведущей в Европе. Началась эта эпоха в 1775 г., когда 26-летний Иоганн Вольфганг Гёте прибыл ненадолго в Веймар и остался в нем навсегда. Немалая роль в превращении Веймара в средоточие талантов принадлежала вдовствующей веймарской герцогине Анне Амалии, Виттумский дворец которой стал центром светской и культурной жизни Германии. Это и отметил в «Письмах» Карамзин: «Герцогиня Амалия любила дарования. Она призвала к своему двору Виланда и поручила ему воспитание молодого герцога; она призвала Гете, когда он прославился своим Вертером; она же призвала и Гердера в начальники здешнего духовенства»²⁴.

По приезде в Веймар Карамзин спешит к дому Гёте, но, узнав, что тот в отъезде, направляется к Гердеру. Иоганн Готфрид Гердер, немецкий писатель, историк, философ, был известен в России уже в 80-х годах, его имя было популярно в литературных кругах. А.Н.Радищев ценил Гердера за его историзм, интерес к культуре всех народов, за ненависть к тирании, гуманистические убеждения²⁵.

Карамзин читал Гердера и перед свиданием с ним достал записную книжку, в которой имелись выписки из его философской работы «Анналы рода человеческого» и политической работы «Бог», цитату из которой Карамзин приводит в «Письмах»²⁶. Свидетельством огромного интереса к Гердеру в России служит то, что в 1805 г. Дерптский (Тартуский) университет приобрел на аукционе в Веймаре значительную часть личной библиотеки Гердера, а в Риге ему был установлен памятник²⁷. Позже популярности Гердера в России во многом способствовал Карамзин, публикуя отрывки из его сочинений в «Московском журнале», «Пантеоне иностранной словесности», «Вестнике Европы». Это были первые публикации произведений Гердера на русском языке.

Карамзин ценил работы Гердера по истории античной мифологии и искусству, особо отмечая его заслуги в области переводов античных авторов. «Гердер, Гете и подобные им, присвоившие себе дух древних греков, умели и язык свой сблизить с греческим и сделать его самым богатым и для поэзии удобнейшим языком, и потому ни французы, ни англичане не имеют таких хороших переводов с греческого, какими обогатили ныне немцы свою литературу. Гомер у них Гомер; та же неискusstvenная, благородная простота в языке, которая была душою древних времен, когда царевны ходили по воду и цари знали счет своим баранам»²⁸.

К сожалению, Карамзин почти не высказал в «Письмах» своего отношения к Гёте. Это можно объяснить тем, что ему не удалось встретиться с ним, поэтому он ограничился упоминанием о его заслугах в общем рассуждении о немецкой литературе. Но то упорство, с которым он добивался свидания с Гёте, говорит о многом

Особая заслуга в развитии немецкой литературы, по мнению Карамзина, принадлежала Виланду, «немецкому Вольтеру», которого он напоминал изяществом стиля и остроумием. Виланд был довольно известен в России, где его переводили больше всех других немецких писателей²⁹. Любопытным свидетельством его известности служат строки из письма М.Н.Муравьева к сестре: «Ты любишь Виланда: разве не веришь ты его любимым мыслям, что есть сродственные души, наслаждающиеся рассматриванием друг друга...»³⁰ Карамзин высоко ценил нравоучительные и комические повести Виланда, его «Агатона» и «Оберона». «Давно уже Германия признала его одним из первых своих певцов», — заключает Карамзин рассуждения о немецкой литературе и заслугах в ее развитии Виланда³¹.

Не обошел он своим вниманием «старика Рамлера³², немецкого Горация». Посетив его в Берлине, Карамзин обрадовал его тем, «что и в России читают его стихи и знают им цену». Рамлер, по его словам, «напитан духом древних, а особенно латинских поэтов»³³.

Карамзина можно отнести к знатокам немецкой поэзии. Он удивил Гердера тем, что назвал Клопштока³⁴ как почитаемого им поэта. Но особое вдохновение вызывает у Карамзина поэзия Э.Х.Клейста, которого он также чтит как героя и патриота. «Весна не была бы для меня так прекрасна, если бы Томсон и Клейст не описали мне всех ее красот»³⁵. В Берлине Карамзин специально отправился в Гарнизонную церковь, чтобы поклониться памятнику Клейста. В «Письмах» он рассказывает о гибели Клейста, получившего тяжелое ранение в сражении при Кунерсдорфе в 1759 г. Вполне возможно, что о последних минутах жизни немецкого поэта он слышал от участников этой кампании, так как похоронили Клейста русские офицеры, отдав дань его храбрости и мужеству. Имя Клейста, возможно, некоторым из них было известно, поскольку его стихотворение «Весна» было очень популярно и выдержало множество изданий.

Карамзин был восхищен игрой немецких актеров. Их высокое мастерство он объяснял состоянием немецкой драматургии. «Я думаю, — писал он, — что у немцев не было бы таких актеров, если бы не было у них Лессинга, Гете, Шиллера и других драматических авторов, которые с такой живостью представляют в драмах своих человека, каков он есть, отвергая все излишние украшения или французские румяны, которые человеку с естественным вкусом не могут быть приятны. Читая Шекспира, читая лучшие немецкие драмы, я живо воображаю себе, как надобно играть актеру, как и что произнести; но при чтении французских трагедий редко могу представить себе, как можно в них играть актеру хорошо или так, чтобы меня тронуть»³⁶. Карамзин положил начало русской театральной критике. Первыми его выступлениями в этом жанре были рецензии на «Кадма и Гармонию» Хераскова и «Эмилию Галотти» Лессинга, помещенные в «Московском журнале». Но этим рецензиям предшествовал критический разбор спектаклей берлинского театра в «Письмах русского путешественника».

Хорошее знание Карамзиным немецкой литературы позволило ему сделать вывод, что в XVIII в. она достигла больших высот и, сравнившись с французской, во многом ее превзошла³⁷.

Рассказывая о встречах с наиболее известными немецкими писателями и учеными, Карамзин упоминает много других имен, составляющих гордость немецкой культуры того времени: Кампе и Вейсе, Галлер и Геснер, Мозер, Энгель и др., что позволяет составить представление о круге чтения и интересах образованного русского человека последней трети XVIII в.

Значение «Писем русского путешественника» в истории русской культуры конца XVIII в. трудно переоценить. Написанные живым, образным языком, они легко читались и, главное, способствовали развитию любознательности у русского читателя, знакомили с литературой и культурной жизнью Западной Европы. А благодарный читатель ждал с нетерпением очередного номера «Московского журнала» с «Письмами», как это было с мелким провинциальным чиновником И.А.Второвым и его друзьями³⁸.

В дальнейших своих изданиях Карамзин продолжил начатое в «Письмах» просвещение российского читателя. В «Московском журнале», в «Пантеоне иностранной словесности» он помещает отрывки из произведений немецких писателей. Вот их неполный перечень: в «Московском журнале» были опубликованы статьи из журнала «Психологический магазин», издававшегося Морицем³⁹; отрывки из «Парафимий» Гердера «Лилия и роза», «Ночь и день»⁴⁰; «О досуге» Х.Гарве⁴¹; «Нечто о мифологии» Морица, о Соломоне Геснере⁴². Кроме того, в «Московском журнале» помещалась информация о вышедших за границей книгах, например «О путешествии по Италии» Морица (Берлин, 1792). В «Пантеоне иностранной словесности» он поместил «Разговор о невидимо-видимом обществе» Гердера, «Напрасные ожидания» Гарве и др.

В конце века Н.М.Карамзин стал пропагандистом отечественной литературы за рубежом. В этом отношении особого внимания заслуживает его статья «О русской литературе», опубликованная в 1797 г. в журнале «Spectateur du Nord» («Северный зритель»)⁴³. В ней Карамзин дал оценку литературному процессу в России.

Итак, анализ только первой части «Писем русского путешественника» (о Германии) позволяет сделать вывод, что в 1789 г. в путешествие по Западной Европе отправился молодой, европейски образованный русский дворянин. Карамзин не любопытствующий дилетант, он хорошо осведомлен о культурной жизни Германии (то же можно сказать о Франции и Англии). Он знает современную немецкую литературу, философию, любит театр и может критически оценить не только сценическое искусство актеров и певцов, но и драматургию.

Его увлечение западной культурой ни в коей степени не умаляет его патриотизма: он любит свою страну, гордится достижениями русской культуры. Он вообще не проводит границы между Россией и Западом, так как первая — часть Европы. Это справедливо отметил С.Ф.Платонов в речи, посвященной Карамзину: «В произведениях своих Карамзин вовсе упразднил вековое противоположение Руси и Европы как различных и непримиримых миров; он мыслил Россию как одну из европейских стран и русский народ как одну из равнокачественных с прочими наций. Он не клял Запад во имя любви к родине, а поклонение западному просвещению не вызывало в нем глумления над отечественным невежеством»⁴⁴.

Такой подход был естественным для ученика и последователя Вольтера, каким являлся Карамзин. Вслед за Вольтером он рассматривал историю как развитие человеческого духа в восходящем направлении — от невежества и варварства через просвещение и нравственное воспитание к благу. «Путь образования или просвещения, — писал Карамзин в «Письмах», — один для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать... Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их»⁴⁵.

Уровень развития общества, как считал Карамзин, определяется степенью просвещенности и нравственности. Каждый народ является частью человечества, и история этого народа отражает тот или иной этап в развитии человеческого общества в целом. Одни народы уходят вперед, другие отстают, но в «век разума», каким Карамзин считал XVIII столетие, просвещение все больше и больше распространяется на все народы. Он верил, что наступит время, когда Россия сравняется в своем развитии с передовыми странами. Петр, считал он, поставил Россию в один ряд с другими просвещенными народами Европы. Настанет время, и она опередит их.

¹ Н.И.Новиков и его современники: Избр.соч. М., 1965. С.372.

² Первые части их (письма из Германии) были опубликованы Карамзиным вскоре после приезда из-за границы в его «Московском журнале» в 1791—1792 гг.; отдельное издание «Писем» вышло только в 1797—1801 гг. (шесть небольших томиков). Всего насчитывается семь редакций текста «Писем». Карамзин не переставал работать над ними вплоть до 1814 г., времени выхода 2-го издания его сочинений.

³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М.Лотман, Н.А.Марченко, Б.А.Успенский. Л.: Наука, 1984.

⁴ Этот вопрос рассмотрен нами в монографии: Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина (1785-1802 гг.). М., 1976. С.3-34.

⁵ См.: Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М., 1956. С.34.

⁶ Карамзин Н.М. Указ.соч. С.65.

⁷ Кочеткова Н.Д. Немецкие писатели в журнале Н.И.Новикова «Утренний свет» // XVIII век. Л., 1976. Сб.11. С.114.

⁸ Розанов М.Н. Поэт «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения // Учен. зап. Моск. ун-та. Отд. историко-филолог. М., 1901. Вып.29; Rothe H. Karamsins-Studien // Zeitschrift fiir slavische Philologie. 1960. Bd.29. S.102-125; 1962. Bd. 30. S.272-306.

⁹ Карамзин Н.М. Указ.соч. С.79.

¹⁰ См. об этом: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Указ.соч. С.534—535.

¹¹ Сиповский В.В. Н.М.Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. В «Письмах русского путешественника» Карамзин упоминает путеводитель Николаи «Описание королевских резиденций Берлина и Потсдама со всеми их достопримечательностями».

¹² Карамзин Н.М. Указ.соч. С.20.

¹³ Там же.

¹⁴ Rothe H. Op.cit. // Zeitschrift fur slavische Philologie. Bd.30. S.280.

¹⁵ Карамзин Н.М. Указ.соч. С.21.

¹⁶ Rothe H. Op.cit. // Zeitschrift fur slavische Philologie. Bd.30. S.280.

¹⁷ Карамзин Н.М. Указ.соч. С.36—37.

¹⁸ Там же. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 55.

²⁰ Там же. С. 62.

²¹ Там же. С. 60.

²² Там же. С. 66.

- ²³ Там же. С. 46.
- ²⁴ Там же. С. 78.
- ²⁵ Гулыга А.В. Гердер. М., 1963. С.186.
- ²⁶ Карамзин Н.М. Указ. соч. С.71-72.
- ²⁷ Гулыга А.В. Указ.соч. С.186.
- ²⁸ Карамзин Н.М. Указ.соч. С.73.
- ²⁹ Сводный каталог русской книги XVIII в. М., 1963. Т.1—3.
- ³⁰ Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С.360; см. также: Данилевский Р.Ю. Виланд и его «История абдеритов» // Виланд К.М. История абдеритов. М., 1978. С.243—244.
- ³¹ Карамзин Н.М. Указ.соч. С.77.
- ³² Рамлер К.В. (1725—1798) — немецкий поэт и переводчик античных авторов.
- ³³ Карамзин Н.М. Указ.соч. С.80.
- ³⁴ Клопшток Ф.Г. (1724—1803) — крупный немецкий поэт, автор эпопеи «Мессиада», посвященной жизни Христа.
- ³⁵ Карамзин Н.М. Указ.соч. С.39.
- ³⁶ Там же. С 40. **ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ**
- ³⁷ Там же. С.77. М.: Наука. 1999
- ³⁸ Де-Пуле. Отец и сын // Рус. вестн. 1875, апрель. Т.160.
- ³⁹ Моск.журн. 1791. Ч.1, кн.2. **Л. Г. Кислягина**
- ⁴⁰ Там же. **Н. М. Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просвещения**
- ⁴¹ Там же. 1792. Ч.6, кн.2.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Письмо в «Зритель» о русской литературе / Пер. и подг. текста Ю.М.Лотмана // Карамзин Н.М. Указ.соч. С.450.
- ⁴⁴ Платонов С.Ф. Н.М.Карамзин. СПб., 1912. С.8-9.
- ⁴⁵ Карамзин Н.М. Указ.соч. С.253-254.

С. Б. Каменецкая
Н. М. Карамзин:
два героя, два литературных типа
эпохи Просвещения

Для истории европейского и русского Просвещения диалог как литературная форма чрезвычайно характерен. Предполагая изменение общества на разумной основе, каждый из просветителей выстраивал свой идеал. Одни и те же общественные и культурные явления приобретали в результате светлую или темную окраску, рассматривались со знаком плюс или минус. Суду истории представили свои мнения Б.Мандевиль и А.Шефтсбери, Д.Дефо и Дж.Свифт, Ж.-Ж.Руссо и маркиз де Сад. Диалоги присутствуют даже в творчестве одного и того же автора: Дидро-скептик и Дидро-моралист («Племянник Рамо»), свифтовский Гулливер — великан среди лилипутов, высмеивающий двор королевы Анны, и пигмей среди благородных великанов, носитель пороков общества, воспитавшего его. Общим основанием для противоположных подходов и точек зрения просветителей было отрицание бессознательного движения истории как темного, ложного и бесполезного. Природа человека конструировалась на основе рационального или эмпирически достоверного знания, а также просветленного разумом чувства. Но эмпирически достоверны были как гуманные, так и этически разрушительные силы человеческой природы, как солидарные, так и эгоистические свойства души. При этом разум, опираясь на логику, мог оправдать и те, и другие построения.

В русском Просвещении всегда однозначно воспринималась фигура Н.М.Карамзина, сентиментального путешественника, автора «Бедной Лизы». Между тем это не так: писатель постоянно поддерживает диалог между героями своих произведений.

В последние годы литературной деятельности, готовясь взять в руки перо историка, Карамзин создает одно за другим произведения с противоположными оценками героя. Это «Моя исповедь» (1802) и «Рыцарь нашего времени» (1803). Содержание обоих произведений — история жизни молодого человека. «Рыцарь нашего времени» не окончен, «Моя исповедь» — произведение вполне завершенное. В чем же различие героев? Отвечая на этот вопрос, Карамзин предполагает обосновать ответ писательским пониманием природы человека. «Одна природа творит и дает... одна природа сеет... Как ум, так и характер людей есть дела ее... Воспитание только образует» («Чувствительный и холодный»)¹. Итак, темперамент, данный природой, и воспитание определяют личность. Но при всех индивидуальных различиях героев их диалог может быть завершен мирным решением. Так обстоит дело в «Чувствительном и холодном», однако диалог героев «Рыцаря нашего времени» и «Моей исповеди» нескончаем и антиномичен.

Судьба Леона («Рыцарь нашего времени») и предопределена свыше, и обозначена народными приметами. В «Рыцаре нашего времени» мы находим фольклорные мотивы трех разновидностей: собственно фольклорные, фольклорно-легендарные (т.е. фольклорно-христианские) и собственно христианские, прочно вошедшие в обиход народных представлений и бытовых верований. Все они оказываются объединенными вокруг одной стержневой сюжетной линии, развивающей тему судьбы героя. Тема эта начинает звучать в самом начале романа, в первой главе, в рассказе о рождении Леона, и потом разбивается на ряд лейтмотивов, которые сопровождают все дальнейшее повествование. Леон родился в «маленькой деревеньке», расположенной у слияния Свяяги с Волгою, в старинном русском крае, отмеченном в памяти веков немаловажным событием. Здесь, «как известно по истории Натальи, боярской дочери, — пишет Карамзин, — жил и умер изгнанником невинным боярин Любославский...»

Тут же родились прадед, дед и отец героя, участник турецкой и шведской кампаний, тут же по соседству родилась и выросла его мать. Все эти исторические упоминания немаловажны, равно как и историческая связь героев известной и любимой читателями повести «Наталья, боярская дочь» с действующими лицами романа. Писатель предстает перед нами не только как художник, но и как историк, не упускающий возможности соединить нитью единой исторической хроники разновременные события. Леон становится героем этой полувывымышленной, но правдоподобной хроники, а его будущее, характер, тип, внутренний мир делаются частью отечественной истории на ее новейшем витке. Личная жизнь героя должна стать составной частью исторической жизни отечества и оцениваться с этой точки зрения.

Но как личная жизнь, темперамент и нравственный тип — явления не только индивидуальные, но и характерные для определенного исторического периода, точно так же не только личными, но и характерными для конкретного исторического времени обстоятельствами становятся и природное окружение, в котором протекает детство героя, и человеческая среда, в которой он вырастает, и народные поверья, обычаи и нравы, отразившиеся на его судьбе. О последних необходимо сказать отдельно, поскольку они представляют особый интерес.

Леон родился в мае, когда земля оделась весенними цветами и молодой листвой. Обо всем этом говорится в романе нарочито приподнято, в стилистике сентименталистского противопоставления неестественности искусственной красоты и прекрасной естественности самой природы: Леон родился «в то время, когда природа, подобно любезной кокетке, сидящей за туалетом, убиралась, наряжалась в лучшее свое весеннее платье; белилась, румянилась весенними цветами, смотрелась с улыбкой в зеркало... вод прозрачных и завивала себе кудри... на вершинах древесных...»². Но уже продолжение незаконченной фразы переносит нас в иную атмосферу - атмосферу народных примет, верований и предсказаний судьбы: Леон родился в то время, когда природа уподобилась кокетке, «то есть в мае месяце, и в самую ту минуту, как первый луч земного света коснулся до его глазной перепонки, в ореховых кусточках запели вдруг соловей и малиновка, а в березовой роще закричали вдруг филин и кукушка: хорошее и худое предзнаменование, по которому осьмидесятилетняя повивальная бабка, принявшая Леона на руки, с веселою усмешкою и с печальным вздохом предсказала ему счастье и несчастье в жизни, ведро и ненастье, богатство и нищету, друзей и неприятелей, успех в любви и рога при случае. Читатель увидит, что мудрая бабка имела в самом деле дар пророчества... Но мы не хотим заранее открывать будущего»³.

Изменение тона повествования в сравнении с предыдущей цитатой из одного и того же абзаца связано с переносом акцента со стилистики сугубо литературной на стилистику, вобравшую с себя какие-то влияния фольклорной культуры. Меняющейся интонации соответствует и смена темы: автор обращается к судьбе героя. Характерно, что эта тема открывается обращением к миру традиционно-крестьянской культуры, с которым неким образом соприкасается карамзинский герой. «В отношении крестьянства к повивальным бабкам большую роль играла вера в магическую связь между ними и повитыми ими детьми»⁴. «Широко бытовало представление, что все слова повитухи могли отразиться на новорожденном»⁵.

Народные приметы, поверья, отраженные хотя бы в пословицах и поговорках, отмечают май как наделенный несчастливой для разного рода добрых ожиданий судьбой. Роковая роль мая как начала жизни вообще или начала семейной жизни здесь особенно характерна. Май как недобрый для новорожденных и молодоженов срок подчеркивается как бы по контрасту с порою ожиданий, расцвета природы, появления первой травы после зимнего и весеннего оскудения и бескормицы. За радостью расцвета

скрывается роковая угроза. Нас особенно интересуют обиходные, бытовые, распространенные в разговорном языке формы представлений, так как именно они при скудости этнографических, фольклорных и мифологических источников в русской культуре конца XVIII в. должны были отразиться в романе. «Хотя и повторяют деревенские краснословы, — замечав по этому поводу А.А.Коринфский, — что "Майская трава и голодного кормит" ("Апрель с водою - май с травой"), хоть и замечают погодоведы завзятые, что "Май холодный — год хлебородный"⁶. "Март сухой да мокрый май — будет каша и каравай!", "Коли в мае дождь — будет и рожь" и т.д., но они же гуторят и: "Захотел ты в мае добра!", "Захотел ты в мае у мужика перепутья (хлебом-солью на перепутьи подкрепиться)!", "Живи, веселись, да каково-то будет в мае!" Да и не только для одних деревенских хлебоедов тяжеленек месяц май: с чего-нибудь, откуда ни на есть да взялись привившиеся к нашему суеверию крылатые слова: "В мае родиться — век маяться!", "Женишься в мае — спокаешься, всю жизнь промаешься!", "Рад бы жениться, да май не велит!..." В старые годы все сватовства приканчивались с последним днем апреля»⁶.

Другая существенная сторона народных предсказаний, связанных с рождением человека и отраженных в романе, заключается в обиходных верованиях, согласно которым судьба человека определяется случайными событиями, обстановкой, природными явлениями, совпадающими по времени с рождением и сопутствующими ему, попадающими «в поле зрения» роженицы, окружающих ее людей и самого новорожденного. А.Н.Веселовский, наиболее разносторонне и полно исследовавший идею судьбы в фольклоре и народных верованиях, отмечает этот момент в качестве исторического этапа развития народных представлений о судьбе-доле, участи, счастье или несчастье. В дополнение к представлениям о том, что доля дается матерью через акт рождения, или о том, что долю человеку нарекают в качестве приговора роженицы (западноевропейские фильги), является более поздний взгляд на судьбу-долю как результат встречи, случая, неожиданного постороннего влияния. «Новым моментом в развитии идеи судьбы, — пишет А.Н.Веселовский, — явился мотив, устранивший представление унаследованности и неотъемлемости: момент случая, неожиданности, счастья или недоли, навеянных со стороны, невесть откуда»⁷. Этот этап развития народных верований в судьбу-долю, «навеянных со стороны» и, что важно в сопоставлении с мотивами романа, особенно со стороны природных сил и влияний, широко отражен не только в пословицах и поговорках, но и в народной лирической песне. Так, одна из тематических групп народных песен имеет характерное начало: у героини жизнь складывается печально и безрадостно, так как мать родила ее в недобрый час, когда разлилась вешняя вода, затопившая луга и калину с малиною, или когда калина с малиною зацвели слишком рано:

Калинушку с малинушкой вода поняла;
На ту пору матушка меня родила⁸.
Калинушка с малинушкой рано расцвела;
В ту пору—времячко мать дочку родила⁹.

Согласно А.Н.Веселовскому, на этой стадии народных представлений о доле появляется возможность противопоставить ей сознательную человеческую волю. Судьбу можно перебороть, от нее можно уйти. «Когда к представлению прирожденной доли примешалась идея случайности, доли, навеянной со стороны, но и отводимой, самое понятие судьбы должно было расширяться по разным направлениям. Долю можно было изменить, добиться другой»¹⁰, — пишет А.Н.Веселовский. Такая возможность выхода из роковой предопределенности для романа и романтического героя очень важна, так как обнаруживает действенное начало его мысли, чувства и волевого душевного импульса, противопоставленных так или иначе складывающимся обстоятельствам.

Восьмидесятилетняя повивальная бабка, принимающая роды, выступает в контексте приведенного отрывка в двойной роли: она толкует природные предзнаменования, но и как бы отчасти, подобно роженице, нарекает судьбу. Первая роль вполне народная, вторая — скорее литературная. Первая роль важнее. Природные предзнаменования должны не только предупредить будущее героя, но и приблизительно наметить будущие сюжетные линии самого романа (счастливая и несчастная любовь, измена, богатство и бедность, разочарования). «Читатель увидит, что мудрая бабка имела в самом деле дар пророчества», — говорит Карамзин. Само же пророчество, его формы, символика природных образов выступают в двойном плане: фольклорном и литературном, причем первый имеет в романе преобладающее значение.

Природные предзнаменования группируются по признаку — кричащая или поющая птица и место, где это происходит (роща, кусты): «в ореховых кусточках запели вдруг соловей и малиновка, а в березовой роще закричали вдруг филин и кукушка: хорошее и худое предзнаменование!» С точки зрения фольклора соединение примет или символов в единой картине — черта традиционная. Фольклорное символическое песенное значение образа орешника Н.И.Костомаров определял как женское начало, связанное с призывом любви. «К женским символам, — писал он, — принадлежит лещина (орешник), встречается в песнях, хотя и не часто. В одной песне лещина противопоставляется дубу, который сообразно своей постоянной символике здесь означает молодца... Орех — символ приглашения к любви»¹¹. Образ соловья в народной русской и вообще восточнославянской песне — символ мужской любви, молодого человека, не нашедшего или не ищущего постоянной привязанности и страдающего от этого «В целом образ соловья символизирует холостого парня, не желающего брака, или молодого мужчину, несчастного в браке», — пишет современный исследователь¹². Пение соловья, по народным приметам, связано с маем и началом майского цветения. «Второе мая — соловьиный день; с него в средней полосе России соловьи запевают... Поют соловьи перед Маврой (накануне 3 мая) — и весна зацветает дружно!»¹³

Следовательно, с фольклорной точки зрения мы видим здесь контрастное соединение символических образов. Контрастно соединяются также и образы кукушки и филина, с одной стороны, с символическим образом березы и березовой рощи — с другой. Береза в народной песне — женский образ, связанный со счастливой или несчастливой любовью. Интересно, что Н.И.Костомаров, выделяет особый его оттенок, когда береза — это мать. «Береза — также женский символ; она особенно означает замужнюю женщину и, между прочим, мать»¹⁴. Это примечательно потому, что мать Леона, о чем подробно пойдет речь дальше, играет исключительную роль в его судьбе. По контрасту с образом-символом березы и березовой рощи филин и кукушка, по народным поверьям, наделены способностью зловещего предзнаменования. «Филин да ворон — зловещие птицы, крик их к несчастью», — замечает Даль в своем словаре¹⁵. В «Словаре русских суеверий» М.Д.Чулкова (1782) читаем о филине: «Птица сия почитается предвестницею пагубы, и когда, прилетев на кровлю чьего-либо дома, станет кричать, то кому-нибудь из того дома умереть вскоре или чувствовать беду, суеверы носят при себе ее когти, дабы привести себя в безопасность от чародейства»¹⁶. В том же словаре Чулкова о кукушке сообщается широко распространенное суеверие: «Эта птица почитается суеверными людьми за предсказательницу. Сколько раз она прокричит, столько лет и остается жить тому человеку, которому она кукует»¹⁷. В.И.Даль выделяет в своем словаре именно зловещий характер кукушкиных предсказаний: «Кукушка кукует, горе вещует... Куковать, кричать кукушкой — предсказывать зловещее»¹⁸. Соединение в предзнаменовании крика (а не кукования) кукушки и филина с женским образом березы и его оттенком материнства может соотноситься с ранней смертью матери героя и ранним сиротством Леона, для которого «мать была единственным его лексиконом»¹⁹.

Совпадения образов романа с толкованием фольклорных образов в чулковском «Словаре русских суеверий», конечно, не случайны. И выход в свет «Словаря», и его переиздание в 1786 г. под названием «Абевега русских суеверий» почти совпадают со временем написания романа. «Мифология Попова и Чулкова вошла крепко в русскую литературу; мы встречаем ее обильное использование не только у Левшина и т.п., но и у Державина, Радищева и десятков других мастеров литературы, вплоть до пушкинского времени», — пишет Г.А.Гуковский²⁰. С другой стороны, «волна фольклорных интересов, тяга к "природному" национальному, народному искусству, характерная для русской литературы начиная с 1760-х годов, нашла свое выражение в деятельности Чулкова и Попова, да и других, например Аблесимова, Левшина. Эта волна непосредственно соотнесена с общеевропейским движением, является самостоятельной частью этого движения, одной из наиболее ранних частей его»²¹.

Но если в балладе В.А.Жуковского «Светлана», например, русские фольклорные мотивы целиком перекрываются сведениями из чулковского «Словаря» и «Абевеги», то Н.М.Карамзин, как видно из всего сказанного выше, выходит далеко за пределы этнографических изданий Чулкова. У него намечаются какие-то вполне самостоятельные фольклорно-этнографические источники. Правда, нельзя все относить только на их счет. В приводимых отрывках есть явная дань сентименталистской, предромантической образности и стилистике. К ним нужно отнести, вероятнее всего, образ малиновки, не встречающийся в русских верованиях и песенной символике (во всяком случае, хоть сколько-нибудь широко и устойчиво). Сама малиновка с точки зрения фольклорной скорее могла быть связана с малиной как символом любви. И действительно, малиновые кусты встречаются в эротической сцене последней главы романа. Характерны и березовая роща как роща, столь любимая сентименталистами, а не лес и не береза вообще, лексическая форма «кусточки» применительно к ореховым кустам и т.п., равно как и возникающий иногда общий тон легкой иронии («успех в любви и рога при случае») Фольклорные образы и мотивы трансформировались литературными установками и целями.

Фольклорно-легендарные мотивы романа не связаны, по-видимому, с прямым перенесением народно-поэтических образов на его страницы. Они сказываются в подражании легендарной композиции и теме внезапного избавления ребенка от неминуемой смерти благодаря помощи небесных сил. Этой теме посвящена седьмая глава романа «Провидение», в которой речь идет о страшном и странном случае, приключившемся с Леоном и оставившем на всю жизнь след в его душе. Возвращаясь со своим дядькой домой во время грозы. Леон чуть не стал жертвой медведя. «Гроза усиливалась, он любовался блеском молнии и шел тихо, без всякого страха. Вдруг из густого лесу выбежал медведь и прямо бросился на Леона. Дядька не мог даже и закричать от ужаса. Двадцать шагов отделяют нашего маленького друга от неизбежной смерти: он задумался и не видит опасности; еще секунда, две — и несчастный будет жертвою яростного зверя. Грянул страшный гром... какого Леон никогда не слыхивал; казалось, что небо над ним обрушилось и что молния обвилась вокруг головы его. Он закрыл глаза, упал на колени и только мог сказать: "Господи!", через полминуты взглянул — и видит перед собою убитого медведя»²². В стилистике народной легенды — и ключевое слово-представление «вдруг», и молния, казалось обвившаяся вокруг головы Леона, но не причинившая ему вреда, и скорая молитва — обращение к Господу. В фольклорной поэтике в таких случаях героическая борьба с чудовищем или зверем заменяется чудесным спасением невинного, особенно ребенка. Начитанный в исторических и фольклорных древностях, Н.М.Карамзин должен был быть хорошо знаком с поэтикой подобных рассказов. Что же касается молнии, избавившей Леона от гибели, то, по замечанию А.Н.Афанасьева, «молнию народ считает за стрелу, кидаемую Ильей-пророком в дьявола, который старается укрыться в животных и гадах; но и здесь находит и поражает его небесная стрела»²³.

Едва оправившись от потрясения, Леон, дрожа и все еще стоя на коленях, устремляет взгляд на небо и, как ему кажется, в густых и черных тучах различает там Спасителя. За этим подчеркнута христианским эпизодом скрывается определенный подтекст, подготовленный предшествующими главами романа. Дело в том, что там, где в романе на предыдущих страницах появляется Бог, там неизменно рядом с ним стоит и образ матери Леона. Здесь мы затрагиваем литературные и историко-философские идеи романа, связанные с темой воспитания. Укажем на них кратко, так как они связаны с темой судьбы, уходящей своими истоками в фольклорные мотивы.

Любовь к Богу впервые входит в сердце Леона, когда мать говорит ему о том, что Бог «дал мне тебя, а тебе меня»²⁴, т.е. через любовь к матери. Мать поначалу составляет для Леона весь окружающий мир, вернее, этот мир он воспринимает только благодаря ей и как бы сквозь нее. «Уже внешние предметы начали возбуждать его внимание; уже и взором, и движением руки, и словами часто спрашивал он у матери: "Что вижу? Что слышу?" , уже научился он ходить и бегать, — но ничто не занимало его так, как ласки родительницы, никакого вопроса не повторял он столь часто, как "Маменька! Что тебе надобно?", никуда не хотел идти от нее и, только ходя за нею, ходить научился; она учила его говорить и... он забывал слова других, замечал и помнил каждое ее слово»²⁵. Наконец, помимо любви и материнского начала, которые составляют главный источник воспитания Леона, названа также природа. Она окружает героя и его мать и как бы держит их в своем плену. Волжские дали, картины родной природы, чувство сопричастности вольному скольжению белых парусников и полету птиц над волжскими просторами — все это позднее для юного ума и сердца сольется в представление о родине, которое будет сопровождать Леона всю жизнь. «Иногда оставляя книгу, смотрел он на синее пространство Волги, на белые парусы судов и лодок, на станицы рыболовов, которые из-под облаков дерзко опускаются в пену волн и в то же мгновение снова парят в воздухе. Сия картина так сильно впечатлялась в его юной душе, что он через двадцать лет после того, в кипении страстей, в пламенной деятельности сердца, не мог без особенного радостного движения видеть большой реки, плывущих судов, летающих рыболовов: Волга, родина и беспечная юность тотчас представлялись его воображению, трогали душу, извлекали слезы»²⁶.

Материнская любовь и природа отгораживают героя от мира зла, столкновение с которым в будущем неизбежно и разрушительно, если этому столкновению не предшествует сформированное из первых впечатлений детства представление о безусловной и ни с чем не соизмеримой ценности любви и человеческой общительности. Литературный и философский источник карамзинских идей воспитания в романе назван на его страницах прямо — это Ж.-Ж.Руссо с его «Эмилем». Но мать героя в романе не знает произведения Руссо²⁷ и приходит к его идеям интуитивно, что усиливает их воспитательное воздействие.

Важно, что в триаде: материнское начало, любовь и природа — на первом месте для героя стоит мать, образ которой вбирает в себя все остальные стороны и окружающего мира, и внутреннего мира самого Леона. Леон не может представить себе возможность ухода матери из жизни и своей жизни без нее. Увидев мать мертвой, лежащей на столе, он хватается ее руку: «она была как дерево, — прижался к ее лицу: оно было как лед... "Ах, маменька!" — закричал он и упал на землю. Его опять вынесли больного, в сильном жару»²⁸. Поэтому первый вопрос, который задает Леон отцу, придя в себя: «Где она?» И слышит в ответ: «С ангелами, друг мой!» Так намечается подтекстовая линия сюжета, связанная с христианскими представлениями, принявшими форму бытовых, соприкасающихся с фольклорными, христианских верований: мать Леона, в чем не сомневаются ни отец, ни сын, — среди ангелов, и спасение от зверя есть также проявление ее заботы о сыне. «Ангел человеку служит хранением и стражбою неотступною человека соблюдает по повелению Господню»²⁹ — читаем у С.Яворского. В том же смысле употребляет это слово сам Карамзин в «Бедной Лизе»: «Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где — твоя невинность?»³⁰.

Начатая таким образом подтекстовая линия не теряется автором в дальнейшем повествовании и, намеченная пунктирно, выдерживается очень последовательно. В последнюю минуту расставания с умирающей матерью мальчику кажется, что мать хочет ему что-то сказать. «Надобно было силою оттащить его от умирающей. «Постойте, постойте! — кричал он со слезами. — Маменька хочет мне что-то сказать; я не отойду, не отойду!..» Но маменька отошла между тем от здешнего света»³¹. "И не будет к нам назад?" — спрашивает Леон об умершей у отца³². Эпизод чудесного спасения от медведя завуалированно продолжает ту же тему, и, наконец, не без литературного влияния западноевропейской и русской традиций XVIII в. возникает тема второй матери героя, в которую перевоплощается умершая, чтобы не оставить свое дитя один на один с враждебным миром (гл. X «Важное знакомство» и XII «Вторая маменька»). При первом неловком, официальном знакомстве с Мировой, «взглянув на миловидную графиню, Леон ободрился... взглянул еще и вдруг переменялся в лице; заплакал, хотел скрыть слезы свои и не мог. Это удивило хозяев, спрашивали, но он молчал, отец велел ему говорить, и тогда Леон отвечал тихим голосом: "Графиня похожа на матушку"»³³. Но и Мирова неожиданно и навсегда привязывается к ребенку: «Все расстояние между двадцатипятилетней светскою дамою и десятилетним деревенским мальчиком исчезло в минуту симпатии... но эта минута обратилась в часы, дни и месяцы. Я должен рассказывать странности... Немудрено было полюбить нашего героя, прекрасного личиком, миловидного, чувствительного, умного, но привязаться к нему без памяти, со всеми знаками живейшей страсти, к невинному ребенку: вот что называю неизъяснимою странностию!»³⁴ Правда, Карамзин тут же дает этой привязанности вполне житейское объяснение: графиня мечтает о ребенке (письмо ее к приятельнице), в деревне ей становится скучно, а Леон обладает редким даром привлекать людскую любовь и расположение, что признают даже суровые друзья его отца.

Наконец, появляется в романе и эротическая тема (гл. XIII «Новый Актеон»), которая имеет отчасти античные мифологические, т.е. фольклорные, но нерусские и притом литературные истоки, отчасти коренящиеся в европейской литературе и живописи XVIII в. Но все это не объясняет до конца странной привязанности графини ни ей самой, ни Леону, ни читателю. При этом «неизъяснимою» привязанность не только названа. Эпитет этот подчеркивается, выделяется в тексте романа курсивом³⁵. Сам герой с чувством глубокого потрясения принимает предложение Мировой стать его матерью: «...Эмилия в другое свидание сказала ему сквозь слезы: "Леон! Я хочу заступить место твоей маменьки! Будешь ли любить меня, как ты ее любил?" Он бросился целовать ее руку и заплакал от радости: ему казалось, что маменька его в самом деле воскресла!»³⁶.

Имеющая литературные, философские и мифологические истоки тема повторного воплощения затронута в романе не случайно. Она прозвучала, но уже открыто и в другом произведении Карамзина — в повести «Чувствительный и холодный: Два характера», вышедшей в том же, 1803 г., которым помечены последние главы «Рыцаря нашего времени». Об одном из героев повести Карамзин замечает: «Если бы мы верили прохождению душ, то надлежало бы заключить, что душа его настрадалась в каком-нибудь первобытном состоянии и хотела единственно отдыхать в образе Леонида»³⁷. Однако в романе эта тема связана с образом любящей матери и ее осиротевшего ребенка, что дает возможность предположить также и русские, сказочно-мифологические предпосылки в сказочных сюжетах таких типов, например 510 А «Золушка», 511 «Чудесная корова»³⁸: покойная мать помогает сироте-падчерице в ином облике. Подобные сказки в XVIII в. были «на слуху» образованной части общества. «Даже русский помещик XVIII века воспринимал народную песню, прибаутку, поговорку, сказку от своей матушки, нянюшки, от крепостного слуги или дядьки с самого детства, от своих крестьян у себя в поместье», — справедливо заметил Г.А.Гуковский³⁹.

В самом романе важность этой темы для сюжета обнаруживается прежде всего в его композиции, в структуре сюжетного построения и развития. Сразу же за гл. III, повествующей о младенчестве Леона, следует гл. IV с необычным названием: «Которая написана только для пятой», и в ней начинает звучать тема судьбы и неисповедимости ее исторических путей. В гл. V «Первый удар рока» говорится о преждевременной смерти матери Леона; гл. VII «Провидение» рассказывает об избавлении героя от разъяренного медведя, и в ней содержится намек на материнскую посмертную помощь. И наконец, в гл. X «Важное знакомство», XI «Отрывок графининой истории» и XII «Вторая маменька» появляется новая мать героя, в которой он иногда признает умершую.

Можно говорить о том, какое существенное место в сюжете сентиментального романа начинают занимать мотивы, связанные с фольклором и русской народной культурой вообще, с западноевропейскими литературными сюжетами. Тема судьбы, воспитания, отношения к миру и людям увязана с фольклорными и историческими линиями романа самым непосредственным образом. Можно также отметить, что не только «классические» жанры лирической песни, сказки, но и обряд, мифология, верование, легенда, бытовой народный уклад, психология играют заметную, а иногда и преобладающую роль.

Герой «Моей исповеди» руководствуется в своих поступках лишь великим словом «так». Отсюда различия: с одной стороны, чувствительность, близость к природе, восприятие культуры через чтение, общение с друзьями отца у Леона и, с другой — бесчувственность, равнодушие к природе (ее вообще нет в повести), отчужденно-ознакомительное восприятие европейской культуры и отсутствие интереса к русской и т.д. у героя «Моей исповеди». Богатство характера Леона обусловлено его близостью к народным обычаям, крестьянской и связанной с ней дворянской культуре, поэтому у Леона есть своя судьба. Герой «Моей исповеди» наделен лишь прихотью неподвластного ему самому эгоизма. В результате авторский герой Карамзина представляет собой два диалогически непримиримых типа. Дело в том, что в неоконченном романе Карамзина главными являются темы традиционной народной культуры, природы и любви, а также отечественной истории, «заветам» которой верны отец Леона и его друзья из «братского общества провинциальных дворян».

В основные идеологические установки эпохи Просвещения не входят ни народный обычай, ни народная крестьянская культура, ни своеобразие национальной истории, но именно эти ценности определяют характер и духовный мир героя «Рыцаря нашего времени». Очевидно, что Карамзин учел опыт Великой французской революции; он остался просветителем, не став романтиком, но диалогическое противопоставление его героев резко усилилось за счет углубления представлений о человеческой природе, выходящих за рамки просветительских взглядов. Здесь чувствуется будущий историк государства Российского и автор «Записки о древней и новой России».

Напротив, герой «Моей исповеди» не выходит за рамки просветительских представлений о человеческой природе в ее антирусоистском варианте. На это обратил внимание Ю.М.Лотман, равно как и на полемику антирусоистского героя «Моей исповеди» с руссоистским героем «Рыцаря нашего времени», в таких работах, как «Пути развития русской прозы 1800—1810 годов» и «Руссо и русская культура XVIII века».

Герой «Моей исповеди» может логически прийти к антирусоистским выводам, встав на точку зрения самого Руссо: поскольку первоначальная природа человека и первоначальная картина мира неузнаваемо искажены, постольку мир превращается в фантом, в «китайские тени», о которых постоянно говорит герой. Жизнь в таком мире становится игрой, а сам герой исполняет в ней роль саркастического и злого шута.

У историка Карамзина диалог героев его литературных произведений перерастает в диалог исторических тенденций развития России. Революция отвергается, потому что она перечеркивает народный обычай, вне которого развитие бесплодно и неосуществимо «Сочетание идеи прогресса с представлением о ценности традиции и обычая составляло трудность, окончательного решения которой Карамзин так и не нашел»⁴⁰.

В этой же статье Ю.М.Лотман пишет: «Естественно, что просветительское преобразование человека мыслилось по преимуществу как мгновенное, поскольку оно было "естественным"»⁴¹. Мы, далекие потомки Карамзина, являемся свидетелями того же диалогического противостояния между рациональными выводами из европейского исторического опыта и своеобразием русского исторического процесса.

¹ Тексты Карамзина цитируются по изданию: *Карамзин Н.М. Сочинения*: В 2 т. Л., 1984. Т.1. С.608.

² Там же. С.585.

³ Там же.

⁴ *Аустова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е годы)* // *Н.М. Карамзин: два героя, два литературных типа эпохи Просвещения*. М., 1989. С.149.

⁵ Там же. С.151.

⁶ *Коринфский А.А. Народная Русь*. М., 1901. С.262.

⁷ *Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха: XI—XVII в.* // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1889. Т.16, вып. 5, № 6. С.211.

⁸ *Великорусские народные песни* / Изд. проф. А.И.Соболевским. В 7 т. СПб., 1895-1902. Т.3, № 25.

⁹ Там же. № 26.

¹⁰ *Веселовский А.Н. Указ.соч.* С.223.

¹¹ *Костомаров Н.И. Историческое значение южнорусского народного песенного творчества* // *Костомаров Н.И. Собр.соч.* СПб., 1905. Т.21, кн.8. С.567.

¹² *Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у славян* // *Сов. этнография*. 1982. № 1. С.22.

¹³ *Коринфский А.А. Указ.соч.* С.263.

¹⁴ *Костомаров Н.И. Указ.соч.* С.564.

¹⁵ *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. М., 1982. Т.4. С.534.

¹⁶ Цит. по: *Предания о народных русских суевериях, поверьях и некоторых обычаях*. М., 1861. С.168.

¹⁷ Там же. С.118.

¹⁸ *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1979. Т.2. С.214.

¹⁹ *Карамзин Н.М. Указ.соч.* С.588.

²⁰ *Гуковский Г.А. Русская литература XVIII в.* М., 1939. С.225.

²¹ Там же. С.223.

²² *Карамзин Н.М. Указ.соч.* С.595.

²³ *Афанасьев А.Н. Народные русские легенды*. М., 1914. С.263.

²⁴ *Карамзин Н.М. Указ.соч.* С.595.

²⁵ Там же. С.588.

²⁶ Там же. С.594.

- ²⁷ Там же. С.587.
- ²⁸ Там же. С.590.
- ²⁹ *Яворский С.* Слова. 1702—1709 (цит. по: Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984. Вып.1. С.67).
- ³⁰ *Карамзин Н.М.* Указ.соч. С.514-515.
- ³¹ Там же. С.590.
- ³² Там же. С.591.
- ³³ Там же. С.600.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С.603.
- ³⁶ Там же. С.604.
- ³⁷ Там же. С.620.
- ³⁸ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.
- ³⁹ *Гуковский Г.А.* Указ.соч. С.223.
- ⁴⁰ *Лотман Ю.М.* Идея исторического развития в русской культуре конца XVII-начала XIX столетия // XVIII век. Л., 1981. Сб.13. С.89.
- ⁴¹ Там же. С.87.

Веб-публикация: Снежана Карелина и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#)

Тематические материалы в наших и других электронных библиотеках

[Эро де Сешель. Поездка в Монбар. Афоризмы \(в переводе Н.М.Карамзина\)](#)

[Письма русского путешественника](#)

[История государства Российского](#)

[Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях](#)

[Политика \(статья 1802 г.\)](#)

[Карамзин как зеркало... или не как зеркало - но о связи между Карамзиным и Великой французской революцией](#)

[Т.Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак термидора](#)

[О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция](#)

[Н.Креленко, Н.Харченко. О том, что увидел в Париже летом 1790 года русский путешественник Н.Карамзин](#)

[В.Вацуро. Карамзин возвращается](#)

[А.Тургенев. Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя \(1827\)](#)

[Н.Полевой. История государства Российского. Сочинение Карамзина](#)

[С.Соловьев. Н.М.Карамзин и его литературная деятельность: "История государства Российского" \(1857\)](#)

[Карамзинский период русской литературы](#)